

УЗБЕКСКИЕ МИГРАНТЫ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ: МЕЖДУ ЛОКАЛЬНЫМ СООБЩЕСТВОМ И ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫМИ ПРАКТИКАМИ (2002–2019 ГГ.)

А. А. Авдашкин

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

Статья посвящена формированию и развитию сообщества узбекских мигрантов на Южном Урале на современном этапе. Источниковую базу составили данные переписи населения, сведения о международной миграции из Узбекистана и Кыргызстана, а также результаты полевых исследований автора. Установлено время и обстоятельства прибытия узбекских мигрантов, показано их участие во внутрироссийских и трансграничных миграциях, а также выявлена специфика миграционных сценариев узбеков из двух основных государств исхода. Основу узбекского сообщества в регионе составили «кыргызские» узбеки, прибывавшие из Ошской области Кыргызстана на фоне обострений социально-политической и экономической ситуации. Для них характерны ориентации на локальные группы, сложившиеся главным образом из земляков, после перевоза детей связи с Кыргызстаном практически прекращаются. Неоспоримым преимуществом в процессе интеграции в принимающее общество становилось членство Кыргызстана в ЕАЭС. Более заметны и многочисленны временные трудовые мигранты из Узбекистана. Они составляют основной контингент сезонной трудовой миграции в регион из государств Средней Азии. Будучи очень мобильными, они часто меняли место жительства и работы, активно перемещаясь между российскими регионами и сочетая это с возвращениями на «родину». При этом миграционные сценарии выходцев из Узбекистана оказывались вариативны, с возможностью оперативной перестройки режима мобильности между Россией и Узбекистаном. Проведенное исследование показало, как могут меняться миграционные сценарии: с разового посещения для заработка «нужной» суммы на выработку циклических перемещений, чтобы «проведать семью».

Ключевые слова: миграция, транснациональное пространство, узбеки, социальные связи, трудовая миграция.

Введение

В 2014–2019 гг. до 27 % трудоспособного населения Узбекистана принимало участие в трудовой миграции, основными направлениями которой являлись Россия и Казахстан. К активно осваиваемым рынкам труда относятся также ОАЭ, США, а также некоторые страны Азии и Европы [1]. Миграция из этой наиболее многонаселенной страны Средней Азии¹ позволяла наполнять рабочей силой российский рынок труда, способствовала поддержанию приемлемого уровня жизни многих домохозяйств на родине. При этом данные сообщества неравномерно распределены по территории страны. Основными районами притяжения мигрантов из Узбекистана являются Москва, Санкт-Петербург, Калининград и регионы Поволжья [2].

В структуре среднеазиатской миграции на Южный Урал в последнее десятилетие узбеки все более заметны. Они представлены как постоянным населением, так и трудовыми мигрантами, численность которых составляла на разных этапах от 8 до 16 тыс. При этом первую группу образуют в основном «кыргызские» узбеки, а вторую – «узбекские». В регионе складывается организованное

узбекское сообщество. С 2009 г. в областном центре действует узбекский культурный центр «Бобур». По результатам переписи населения 2010 г. узбеки вошли в перечень наиболее многочисленных национальных групп, проживающих на Южном Урале (более 5 тыс.) [3].

Цель статьи – рассмотреть формирование и развитие узбекской диаспоры на Южном Урале в последние два десятилетия, когда наметился динамичный приток узбеков в регион. Укоренение мигрантов в принимающем обществе сопровождается созданием формальных и неформальных связей, институтов, обеспечивающих адаптацию к новым условиям проживания. Обращение к этой тематике позволит реконструировать количественные и качественные параметры перемещений из Узбекистана и Кыргызстана (время и обстоятельства прибытия мигрантов, участие во внутрироссийских и трансграничных миграциях).

Выбор хронологических рамок обусловлен следующими соображениями. В период 2002–2010 гг. численность узбеков возросла с 3057 до 6446 человек (см. табл. 1). После этого «пиковых» количественных значений миграция из Кыргызстана в Челябинскую область достигала дважды: в 2011

¹ По состоянию на 1 января 2021 г. численность населения Узбекистана составила 34,5 млн человек.

и в 2019 г. В ее составе существенную долю составляли узбеки из Ошской области. Кроме того, высоких значений в 2000-е гг. достигал приток трудовых мигрантов из Узбекистана.

Обзор литературы

Сегодня сложился значительный массив литературы, посвященной среднеазиатской миграции в постсоветскую Россию (ограничимся лишь последними работами на эту тему [4–6]). Однако в силу специфики предмета по этой теме подготовлено пока относительно немного исторических исследований [7; 8]. Основной объем «историографии» составляют труды демографов, социологов и антропологов. При этом миграционные потоки из Узбекистана в Россию возросли только относительно недавно, поэтому специальных исследований на эту тему пока немного. «Узбекская» трудовая миграция является наиболее поздней в сравнении с масштабными потоками из других стран Средней Азии. В силу определенной закрытости страны выезд узбекистанцев на заработки начался заметно позже таджикистанцев или кыргызстанцев. Помимо непризнания факта активного участия своих граждан в трудовой миграции, для властей страны немалое значение имела и государственная идеология. Она формировала образ Узбекистана как наиболее развитого государства региона, в доле ВВП которого и уровне жизни домохозяйств денежные переводы из-за рубежа не играют решающей роли.

Подробно изучены факторы, «выталкивающие» население на заработки: сочетание естественного прироста, неблагоприятные климатические условия и слабость экономики [1; 9; 10]. Пристальное внимание ученых вызывает цикличность миграции из Узбекистана, ее зависимость от конфигурации российского миграционного законодательства, состояния экономики в условиях кризисных спадов 2008–2009 и 2014–2015 гг. [11–13].

Немало дискуссий вызывает инфраструктура, которую мигранты формируют в пространстве российских городов. Она включает национально-культурные обществу, различные посреднические фирмы, «этнические» СМИ, медицинские центры, кафе и клубы, мигрантские социальные сети и др. Их развитие и расположение связано как с особенностями постсоветского города, сохранением в общем и целом его еще «советской» планировки, так и с особенностями расселения мигрантов. В литературе хорошо описаны закономерности расселения мигрантов, показаны особенности формирования и функционирования их инфраструктуры на материалах Москвы, Красноярска, Екатеринбурга, Томска и др. крупных городов [14–18]. Аналогичные исследования на примере Челябинска не проводились.

Методы исследования

Источниковую базу составили данные переписи населения (2002 и 2010 гг.), статистические

сведения о международной миграции в регион, а также материалы включенного наблюдения (93 часа), 34 глубинных интервью с выходцами из Кыргызстана и Узбекистана (в основном узбечами по национальности). Выборка объектов для наблюдения и установления контактов с информантами включала: кафе, парикмахерские, «точки» по продаже одежды на рынках «Китайский» и «Восточный город», жилую застройку и школы возле них, а также общественный транспорт. Основная часть информантов приехала из Ошской области Кыргызстана, выходцы из Узбекистана распределены достаточно равномерно, не образуя четко наблюдаемых земляческих сообществ.

Методологически статья выполнена на стыке истории, качественной социологии и антропологии. Запись бесед на диктофон не практиковалась, велись заметки в дневник наблюдений. После интервью кодировались, имена информантов изменены по их просьбе. Рамки статьи не позволяют в полном объеме воспроизвести все сюжеты, поэтому в основу исследования положено описание нескольких биографий, которые отразили специфику миграционных сценариев «кыргызских» и «узбекских» узбечей. Такой подход позволит рассматривать пребывание мигрантов в более широком контексте, учитывая их прошлый жизненный опыт, приобретение новых социальных контактов, субъективные точки зрения, интерпретации и т. д. [19–21].

Оптика транснационализма показывает, как периодические перемещения между отправляющим и принимающим обществом формируют динамичное транснациональное пространство [5; 6]. Переключаясь в случае необходимости из одного регистра в другой, его акторы пребывают в раздвоенном состоянии между «там» и «здесь», страной исхода, местом работы и проживания. Поскольку возникает необходимость приспособливаться к преодолению больших расстояний, использованию новых средств коммуникации, организации периодического движения «туда и обратно», смены в соответствии с этим своих статусов, социальные связи и практики узбекских мигрантов приобретают транснациональный характер [4; 11].

Мигранты не перемещались по фиксированным направлениям между отправляющей и принимающей странами, в которых они задерживаются на длительное время. Мигранты двигаются по слабоструктурированным траекториям, и в этом смысле мы скорее видим циркуляцию между «точками» или локациями временных остановок, где Челябинск становился транзитным пунктом между многими локациями в России и Средней Азии. Мигранты не только перемещались в пространстве, но также быстро и кардинально меняли свою жизнь, место работы, проживания, планы

Исторические науки

и др. Ответом на возникавшие вызовы, любые изменения жизненных ситуаций и структурных условий «там» и «здесь» становилась мобильность [22].

Результаты и дискуссия

Сравнение численности представителей основных азиатских этнических групп в динамике показывает, что приток среди узбеков пришелся на последние два десятилетия. В период между 2002 и 2010 гг. их численность возросла в два раза (см. табл. 1).

Таблица 1

Численность представителей азиатских этнических групп на Южном Урале в 1939–2010 гг.

Table 1

The number of representatives of Asian ethnic groups in the South Urals in 1939–2010

Составлено по [16]

Этнические группы	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Узбеки	236	1807	1261	1536	3475	3057	6446
Таджики	30	-	396	697	870	5125	7375
Кыргызы	1226	231	198	394	931	604	1410
Корейцы	291	449	404	412	463	959	905
Китайцы	72	-	60	58	55	192	171
Казахи	28731	22813	27559	28224	33230	36219	35297

Статистика и материалы большинства интервью показывают, что прибытие значительного количества «кыргызских» узбеков связано с периодами политической нестабильности и падением уровня жизни в Кыргызстане после 2005 г. Большинство информантов указывали на качество периода наиболее значительного притока узбеков в регион 2009–2011 гг. (см. табл. 2). Тогда обострение социально-политической ситуации в Кыргызстане повлекло за собой ряд столкновений между кыргызами и узбеками. Узбеки из этих регионов составляли заметную долю прибывших из Кыргызстана.

Материалы интервью показали, что начало активной фазы миграции из Узбекистана совпало с серединой 2000-х гг., когда события в Андижане² послужили для населения толчком к выезду на заработки (рис. 1). Временем «первого прибытия» или получения сведений об удачном опыте трудовой миграции на Южный Урал большинство информантов называло период 2007–2009 гг. (в эти годы как раз достигла своего пика в 16 тыс. официальная численность трудовых мигрантов из Узбекистана в регионе). Затем на фоне кризисных спадов российской экономики и падения курса

рубля последовало сокращение численности примерно в 2 раза.

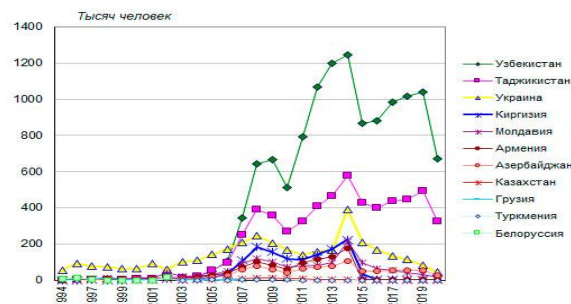

Рис. 1. Численность граждан стран СНГ, осуществляющих трудовую деятельность в России, 1994–2020 гг. (в тыс. чел.³) [22]

Fig. 1. The number of citizens of the CIS countries who carried out labor activities in Russia, 1994–2020. (in thousand people) [22]

Таблица 2

Данные о международной миграции из Кыргызстана и Узбекистана в Челябинскую область в 2000–2019 гг.

Table 2

Data on international migration from Kyrgyzstan and Uzbekistan to the Chelyabinsk region in 2000–2019

Составлено автором по [2]

Год	Кыргызстан			Узбекистан		
	Прибыль	Выбыл	Прирост	Прибыль	Выбыл	Прирост
2000	393	41	352	692	85	607
2001	191	29	162	370	54	316
2002	201	10	191	349	27	322
2003	123	7	116	289	24	265
2004	72	18	54	197	10	187
2005	265	8	257	655	10	645
2006	274	11	263	569	18	551
2007	557	19	538	808	19	789
2008	616	14	612	662	16	646
2009	808	34	774	556	8	548
2010	529	10	519	424	12	412
2011	1107	56	1051	666	65	601
2012	706	332	374	638	106	532
2013	514	204	310	540	109	431
2014	561	184	377	909	358	551
2015	445	223	222	636	616	20
2016	379	196	183	628	334	294
2017	339	319	20	467	518	-51
2018	256	228	28	411	463	-52
2019	1055	345	710	841	499	342

Сегодня трудовые мигранты из Узбекистана играют важную роль на региональном рынке труда. По данным миграционной службы, ежегодно

² Подавление протестов в Андижане 12–13 мая 2005 г. С 2006–2007 гг. произошел резкий прирост доли рабочей силы из Узбекистана в числе иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность в РФ. В итоге к 2014 г. этот показатель достиг 1,2 млн. Для сравнения число граждан Таджикистана составило 600 тыс. человек. Узбекистан и Таджикистан являются основными поставщиками рабочей силы в РФ из-за рубежа.

³ В 1994–2010 гг. – по данным МВД и ФМС России, включая лиц без гражданства; за 2011–2013 гг. представлено число имевших действующее разрешение на работу на конец года и получивших патенты на осуществление трудовой деятельности у физических лиц за год; 2014–2020 гг. – число имевших действующее разрешение на работу или действующий патент на конец года.

на территории Челябинской области работало до 20 тыс. иностранных граждан. Примерно 46 % в этой доле составляли граждане Таджикистана, а 48 % – Узбекистана. Несмотря на то что иностранная рабочая сила в общей доле занятого населения составляла не более 1–3 %, специфика ее распределения по отраслям создавала определенную напряженность на рынке труда. Большинство трудовых мигрантов концентрировалось в таких сферах, как строительство, торговля и общественное питание, транспорт и сельское хозяйство [24].

Группы узбекских мигрантов отличаются между собой не только численностью, но и особенностями социальной организации. Материалы интервью демонстрируют различный уровень сплоченности. Намного больше устойчивых социальных связей сложилось среди «кыргызских» узбеков – события, совместно пережитые во время погромов, сложного пути и обустройства на новом месте, способствовали сплочению, созданию механизмов взаимопомощи и кооперации (решение проблем с документами, устройство детей в школы и детские сады, поиск жилья и работы, взаимопомощь во время карантинных ограничений весной 2020 г.).

По свидетельству информантов, было как минимум два эпизода, когда они наблюдали самоорганизацию местного узбекского сообщества. В 2010 г., когда в Ошской области начались столкновения (о реакции челябинских узбеков см.: [25]) и весной 2020 г., когда на фоне карантинных ограничений оказывалась помощь и содействие всем выходцам из Средней Азии, попавшим в трудное положение.

Трудовые мигранты из Узбекистана прибывают в основном из Андижанской области, они более мобильны, поскольку не связывают свое будущее с Южным Уралом и нацелены на поиск более высокого заработка. По этой причине Челябинск для них представляет лишь один из транзитных пунктов в их перемещениях между российскими городами и Средней Азией (большинство наших информантов побывали в Москве, Екатеринбурге, Самаре, Новосибирске и др.). Их социальные связи ситуативны, широко разветвлены, поскольку социальный капитал, опыт, накопленный мигрантом, является важным залогом успеха мобильного образа жизни.

Проведенное исследование показало, что основу миграции из Кыргызстана и в меньшей степени Узбекистана на Южный Урал, как и в другие части страны, составляли прежде всего семейные пары, чьи несовершеннолетние дети оставались на родине с родственниками [13]. После обустройства родители обычно перевозили детей в Челябинск. Необходимо также помнить, что «кыргызские» узбеки обладали рядом преимуществ по сравнению с «узбекскими» узбеками. Во-первых, Кыргызстан является членом ЕАЭС,

что существенно упрощает мобильность в пределах стран этого объединения, во-вторых, официальные позиции русского языка в Кыргызстане прочнее, нежели в Узбекистане. Отсюда более уверенное владение русским языком у «кыргызских» узбеков и заметно большее количество проблем, связанных с языковым барьером у «узбекских» узбеков.

Выводы

Основу местного узбекского сообщества составили «кыргызские» узбеки, тогда как «узбекские» узбеки более мобильны на рынке труда, их миграционные сценарии включают частые возвращения на родину. В большинстве своем «кыргызские» узбеки – это семейные пары, ориентированные на то, чтобы постепенно перевезти в Челябинск своих детей (как правило, это происходило до 18-летия). Это неизбежно вовлекало такие семьи в принимающее общество через систему школьного образования (взаимодействие с другими родителями и педагогами лично или через чаты, участие в организации мероприятий и др.).

Для «узбекских» узбеков характерны периодические возвращения на родину, они часто приезжают на временные заработки, чередуя крупные российские города. Обращение социальными связями и контактами вне небольших землячеств и локальных групп способствовало более плотной интеграции в принимающую среду, они, по выражению наших респондентов, «удерживают» сильнее, а сценарии возвратных миграций рассматриваются реже. Ориентированные на возвращение узбекские мигранты придерживаются более консервативных взглядов и предпочитают, чтобы их дети как можно дольше воспитывались в Узбекистане.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области в рамках научного проекта № 20-49-740007 («Азиатский вектор миграций в Челябинскую область: историческая ретроспектива, прогнозы и риски», 2021).

Литература

1. Blondin, S. Environmental migrations in Central Asia: a multifaceted approach to the issue / S. Blondin // Central Asian Survey. – 2019. – Vol. 38. – Iss. 2. – P. 275–292.
2. Максакова, Л. П. Демографический и миграционный потенциал Узбекистана / Л. П. Максакова // Демографическое обозрение. – 2016. – № 1. – С. 83–89.
3. Национальность «узбек» вошла в 14 самых многочисленных на Южном Урале. – URL: <https://74.ru/text/gorod/2012/10/09/59219311/> (дата обращения: 28.04.2021).
4. Абашин, С. Н. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснациона-

лизм / С. Н. Абашин // Этнографическое обозрение. – 2012. – № 4. – С. 3–13.

5. Faist, T. Towards Transnational Studies: World Theories, Transnationalisation and Changing Institutions / T. Faist // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2010. – Vol. 36. – Iss. 10. – P. 1665–1687.

6. Glick Shiller, N. Transnationalism: A New analytic framework for understanding migration / N. Glick Shiller, L. Basch, C. Szanson Blanc // Annals of New York Academy of Science. – 1992. – P. 1–21.

7. Каменских, М. С. Узбеки Перми: история и культура / М. С. Каменских, А. В. Черных. – СПб. : Маматов, 2016. – 64 с.

8. Формирование и современное положение среднеазиатских диаспор в России. – Оренбург : Университет, 2013. – 186 с.

9. Radnitz, S. Weighing the political and economic motivations for migration in post-soviet Space: The case of Uzbekistan / S. Radnitz // Europe-Asia Studies. – 2006. – Vol. 58. – Iss. 5. – P. 653–677.

10. Ubaidullaeva, R. The New Demographic Situation in Uzbekistan / R. Ubaidullaeva, N. Umarova // Sociological Research. – 2001. – Vol. 40. – Iss. 3. – P. 49–55.

11. Абашин, С. Н. Возвращение домой: семейные и миграционные стратегии в Узбекистане / С. Н. Абашин // Ab Imperio. – 2015. – № 3. – С. 125–165.

12. Абашин, С. Н. Возвращение домой и циркулярная мобильность: как кризисы меняют антропологический взгляд на миграцию / С. Н. Абашин // Этнографическое обозрение. – 2017. – № 3. – С. 5–15.

13. Пешкова, В. М. Транснациональные особенности семейной экономики трудовых мигрантов из Средней Азии в России / В. М. Пешкова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2016. – № 1. – С. 240–255.

14. Варшавер, Е. А. Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах: есть ли паттерн? / Е. А. Варшавер, А. Л. Рочева, Н. С. Иванова, М. А. Ермакова // Социологическое обозрение. – 2020. – № 2 (19). – С. 225–253.

15. Малахов, В. С. Миграция и городское пространство / В. С. Малахов // Журнал исследований социальной политики. – 2020. – № 4 (18). – С. 559–560.

16. Пешкова, В. М. Инфраструктура трудовых мигрантов в городах современной России (на примере мигрантов из Узбекистана и Киргизии в Москве) / В. М. Пешкова // Мир России. Социология. Этнология. – 2015. – № 2. – С. 129–151.

17. Demintseva, E. Educational infrastructure created in conditions of social exclusion: 'Kyrgyz clubs' for migrant children in Moscow / E. Demintseva // Central Asian Survey. – 2020. – Vol. 39. – Iss. 2. – P. 220–235.

18. Varshaver, E. «Homeland-Rooted» or Acquired in the Receiving Society: How Does the Composition of Migrants' «Co-Ethnic» Ties Affect Their Patterns of Integration? / E. Varshaver, A. Rocheva // Journal of International Migration and Integration. – 2021. – Vol. 22. – P. 347–368.

19. Джанызакова, С. Д. «Здесь и там» в мигрантских историях выходцев из Кыргызстана в России (случай Томска) / С. Д. Джанызакова // Сибирские исторические исследования. – 2019. – № 3. – С. 72–86.

20. Джанызакова, С. Д. «Предпочитаю работать на себя»: предпринимательство мигрантов из Центральной Азии в сибирском городе (на примере Томска) / С. Д. Джанызакова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2021. – № 1. – С. 188–195.

21. Schröder, P. The Institutionalization of Mobility: Well-being and Social Hierarchies in Central Asian Translocal Livelihoods / P. Schröder, M. Stephan-Emmrich // Mobilities. – 2016. – Vol. 11. – Iss. 3. – P. 420–443.

22. Бредникова, О. Е. Мобильная занятость мобильного субъекта / О. Е. Бредникова // Журнал исследований социальной политики. – 2020. – № 4 (18). – С. 705–720.

23. Щербакова, Е. М. Иностранная рабочая сила в России по итогам 2020 года / Е. М. Щербакова // ДемоскопWeekly. – 2021. – № 901-902. – URL: <http://demoscope.ru/weekly/2021/0901/barom01.php> (дата обращения: 25.05.2021).

24. Сотрудники Управления по вопросам миграции рассказали об особенностях привлечения к трудовой деятельности иностранной рабочей силы на Южном Урале. – URL: <https://74.мвд.рф/news/item/12014378> (дата обращения: 28.04.2021).

25. Челябинский отклик на Ош. – URL: <https://74.ru/text/gorod/2010/06/15/58798971/> (дата обращения: 28.04.2021).

Авдашкин Андрей Александрович – старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории миграционных исследований, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: adrianmaricka@mail.ru. ORCID 0000-0001-8169-2755

Поступила в редакцию 30 июня 2021 г.

UZBEKS IN THE SOUTHERN URALS: BETWEEN THE LOCAL COMMUNITY AND TRANSNATIONAL PRACTICES (2002–2019)

A. A. Avdashkin

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article is devoted to the formation and development of the Uzbek migrant's community in the South Ural region at the present stage. The source base was the census data, information on international migration from Uzbekistan and Kyrgyzstan, and the results of the author's field studies. The time and circumstances of the Uzbek migrant's arrival were established, their participation in internal Russian and cross-border migrations was shown, and the specific character of the Uzbeks migration from the two main countries of origin was revealed. The basis of the Uzbek community in the region comprised *Kyrgyz* Uzbeks from the Osh region, Kyrgyzstan. They are characterized by local groups, formed mainly from fellow countrymen, they often part with Kyrgyzstan when children move to Russia. Kyrgyzstan's membership in the EAEU became an indisputable advantage in the process of integration into the host society. Labor migrants from Uzbekistan are more numerous. They constitute the main group of seasonal labor migration to the region from the states of Central Asia. They often change their place of residence and work moving between Russian regions and combining it with returning to their homeland. At the same time, the migration scenarios of immigrants from Uzbekistan turned out to be variable, with the changing mobility regime between Russia and Uzbekistan. The study reveals how migration scenarios can change from a one-time visit to earn some money to the repeated visits «to see the family».

Keywords: migration, transnational space, Uzbeks, social ties, labor migration.

References

1. Blondin S. Environmental Migrations in Central Asia: a Multifaceted Approach to the Issue // *Central Asian Survey*. 2019. Vol. 38. Iss. 2. P. 275–292.
2. Maksakova L.P. Demograficheskii i migratsionnyi potentsial Uzbekistana [Demographic and Migration Potential of Uzbekistan] // *Demograficheskoe obozrenie*. 2016. № 1.
3. Natsional'nost' «uzbek» voshla v 14 samykh mnogochislennykh na Yuzhnom Urале [The Uzbek Nationality is Among the 14 Most Numerous in the South Urals]. URL: <https://74.ru/text/gorod/2012/10/09/59219311/> (data obrashcheniya: 28.04.2021).
4. Abashin S.N. Sredneaziatskaya migratsiya: praktiki, lokal'nye soobshchestva, transnatsionalizm [Central Asian Migration: Practices, Local Communities, Transnationalism] // *Etnograficheskoe obozrenie*. 2012. № 4. S. 3–13.
5. Faist T. Towards Transnational Studies: World Theories, Transnationalisation and Changing Institutions // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2010. Vol. 36. Iss. 10. P. 1665–1687.
6. Glick Shiller N., Basch L., Szanson Blanc C. Transnationalism: A New Analytic Framework for Understanding Migration // *Annals of New York Academy of Science*. 1992. P. 1–21.
7. Kamenskikh M.S., Chernykh A.V. Uzbeki Permi: istoriya i kul'tura [Uzbeks of Perm: History and Culture]. St. Petersburg: Mamatov, 2016. S. 64.
8. Formirovanie i sovremennoe polozhenie sredneaziatskikh diaspor v Rossii. [Formation and Current Position of the Central Asian Diasporas in Russia]. Orenburg: Universitet, 2013. S. 186.
9. Radnitz S. Weighing the Political and Economic Motivations for Migration in Post-soviet Space: The Case of Uzbekistan // *Europe-Asia Studies*. 2006. Vol. 58. Iss. 5. P. 653–677.
10. Ubaidullaeva R., Umarova N. The New Demographic Situation in Uzbekistan // *Sociological Research*. 2001. Vol. 40. Iss. 3. P. 49–55.
11. Abashin S.N. Vozvrashchenie domoi: semeinye i migratsionnye strategii v Uzbekistane [Returning Home: Family and Migration Strategies in Uzbekistan] // *Ab Imperio*. 2015. № 3. S. 125–165.
12. Abashin S.N. Vozvrashchenie domoi i tsirkulyarnaya mobil'nost': kak krizisy menyayut antropologicheskii vzglyad na migratsiyu [Returning Home and Circular Mobility: how Crises Change the Anthropological View of Migration] // *Etnograficheskoe obozrenie*. 2017. № 3. S. 5–15.
13. Peshkova V.M. Transnatsional'nye osobennosti semeinoi ekonomiki trudovykh migrantov iz Srednei Azii v Rossii [Transnational Features of the Family Economy of Labor Migrants from Central Asia in Russia] //

Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie I sotsial'nye peremeny. 2016. № 1. S. 240–255.

14. Varshaver E.A., Rocheva A.L., Ivanov N.S., Ermakova M.A. Mesta rezidentnoi kontsentratsii migrantov v rossiiskikh gorodakh: est' li pattern? [Areas of Migrants Concentration in Russian Cities: is there a Pattern?] // *Sotsiologicheskoe obozrenie.* 2020. № 2 (19). S. 225–253.

15. Malakhov V.S. Migratsiya I gorodskoe prostranstvo [Migration and Urban Space] // *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki.* 2020. № 4. (18). S. 559–560.

16. Peshkova V.M. Infrastruktura trudovykh migrantov v gorodakh sovremennoi Rossii (na primere migrantov iz Uzbekistana I Kirgizii v Moskve) [Infrastructure of Labor Migrants in the Cities of Modern Russia (on the Example of Migrants from Uzbekistan and Kyrgyzstan in Moscow)] // *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya.* 2015. № 2. S. 129–151.

17. Demintseva E. Educational Infrastructure Created in Conditions of Social Exclusion: 'Kyrgyz Clubs' for Migrant Children in Moscow // *Central Asian Survey.* 2020. Vol. 39. Iss. 2. P. 220–235.

18. Varshaver E., Rocheva A. «Homeland-Rooted» or Acquired in the Receiving Society: How Does the Composition of Migrants' «Co-Ethnic» Ties Affect Their Patterns of Integration? // *Journal of International Migration and Integration.* 2021. Vol. 22. P. 347–368.

19. Dzhanyzakova S.D. «Zdes' i tam» v migrantskikh istoriyakh vykhodtsev iz Kyrgyzstana v Rossii (sluchai Tomsk) [«Here and There» in the Migrant Stories of Immigrants from Kyrgyzstan to Russia (the case of Tomsk)] // *Sibirskie istoricheskie issledovaniya.* 2019. № 3. S. 72–86.

20. Dzhanyzakova S.D. «Predpochitayu rabotat' na sebya»: predprinimatel'stvo migrantov iz Tsentral'noi Azii v sibirskom gorode (na primere Tomsk) [«I Prefer to Run My Own Business»: Business of Migrants from Central Asia in a Siberian City (on the example of Tomsk)] // *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii.* 2021. № 1. S. 188–195.

21. Schröder P., Stephan-Emmrich M. The Institutionalization of Mobility: Well-being and Social Hierarchies in Central Asian Translocal Livelihoods // *Mobilities.* 2016. Vol. 11. Iss. 3. R. 420–443.

22. Brednikova O.E. Mobil'naya zanyatost' mobil'nogo sub'ekta [Mobile Employment of a Mobile Person] // *Zhurnal issledovaniya sotsial'noi politiki.* 2020. № 4 (18). S. 705–720.

23. Shcherbakova, E. M. Inostrannaya rabochaya sila v Rossii po itogam 2020 goda [Foreign Labor Force in Russia at the End of 2020]. Demoskop Weekly. 2021. № 901-902. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2021/0901/barom02.php> (data obrashcheniya: 25.05.2021).

24. Sotrudniki Upravleniya po voprosam migratsii rasskazali ob osobennostyakh privlecheniya k trudovoi deyatel'nosti inostrannoi rabochei sily na Yuzhnom Urale [Office for Migration Employees Spoke about the Attracting Foreign Labor Force to Work in the Southern Urals]. URL: <https://74.mvd.rf/news/item/12014378> (data obrashcheniya: 28.04.2021).

25. Chelyabinskii otklik na Osh [Chelyabinsk Response to Osh]. URL: <https://74.ru/text/gorod/2010/06/15/58798971/> (data obrashcheniya: 28.04.2021).

Andrey A. Avdashkin – senior researcher of Research Laboratory for Migration Research, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: adrianmaricka@mail.ru

Received June 30, 2021

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Авдашкин, А. А. Узбекские мигранты на Южном Урале: между локальным сообществом и транснациональными практиками (2002–2019 гг.) / А. А. Авдашкин // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2021. – Т. 21, № 3. – С. 6–12. DOI: 10.14529/ssh210301

FOR CITATION

Avdashkin A. A. Uzbeks in the Southern Urals: between the Local Community and Transnational Practices (2002–2019). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2021, vol. 21, no. 3, pp. 6–12. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh210301